

2. Козлова О.В. Самобытный феномен русской средневековой философии/ О.В. Козлова. – М., 2012.

Монина Н.П. Евразийские мотивы в философской лирике С.Есенина

Историософская проблема осмысления места России в мире, специфика ее географического положения и извечный философский вопрос: «Кто мы: Восток или Запад?» вызывали в отечественной культуре различные способы решения данной проблемы. Вспомним, хотя бы первые попытки осмысления данной проблематики общественно-политическими течениями западников и славянофилов в XIX веке. Соединение двух разных миров – Востока и Запада в русской культуре, заложенное изначально и явившееся весьма органичным, тем не менее, постоянно вызывало к жизни новые теории, концепции и исследовательские подходы к осмыслению данного феномена, причем, как в философских трактатах, так и в литературных произведениях.

Национальное своеобразие и мировое значение русской литературы определяется не только ее укорененностью в родной культурной «почве», но и такими константами национального самосознания, как европеизм и азиатство.

Отечественная словесность всегда была обращена к культуре Европы и Азии. В эпоху Серебряного века русская литература и, прежде всего, поэзия «представляла» от всего евразийского региона, по сути выражала национально-культурное самосознание российского суперэтнуса, была не просто русской, но российской литературой.

Тема Востока и Запада проявились в поэзии С. Есенина. Машинной, городской Европе противопоставлена «Рассея! – азиатская, стихийная, «скифская»: «наше волчье, мужичье, расейское, скифское, азиатское».

В том зове калмык и татарин,

Почуют свой чаемый град...

«Рассея моя... Рассея... азиатская сторона», - писал Есенин в 1922 году [цит. по 3, с.194-196].

Будто из далекого прошлого или из подсознания в воспоминания о детстве поэта незаметно проникает причудливая греза о таинственном, прекрасном Востоке, и, рисуя свой деревенский дом, С. Есенин пишет:

Что виде, верблюд кирпичный,
В завывании дождевом?
Видно, видел он дальние страны,
Сон другой и цветущей поры,
Золотые пески Афганистана
И стеклянную хмарь Бухары [2, т.1, с. 175-176].

Уже сравнение дома с верблюдом напоминает о Востоке и кажется неожиданным для поэта.

Восток – родина замечательных, тонких лириков: Хайяма, Саади, Фирдоуси, Низами, Хафиза, - родина затейливых волшебных сказок и искусной сказительницы Шахерезады, страна роз и тюльпанов, звездочетов и мудрецов... Прикосновение к нему целительно для больной, страдающей души, для изверившегося сердца, утратившего опору в мире. К Востоку, к которому он давно чувствовал какую-то неизъяснимую близость, устремилось сердце С. Есенина.

Ощущая глубинную связь России и Востока, Азии, он пишет:

Ты Рассея моя...Рас-сея...
Азиатская сторона ... [1, т. 1, с. 195]
И сам я тоже азиат
В поступках, помыслах
И в слове [там же, т. 2, с. 99]
Там, на Востоке «очарованная даль» поэта.

Интерес к Востоку зародился у Есенина давно; особенно он возрос в первые годы революции, когда поэт побывал в Туркестане и довольно долго жил в Ташкенте. Восток поразили его своим многоцветьем, сочностью, колоритом, ощущением полноты жизни.

Запад произвел на поэта совершенно иное впечатление. Чинные и обезличенные развлечения европейцев, лишённые восточной полноты жизни, подавили его. М. Горький, вспоминая о пребывании С. Есенина в Европе, говорил о том, что поэт весьма быстро и торопливо осматривал увеселения. Писатель даже сделал вывод о том, что человек все хочет видеть для того, что бы поскорее

забыть. Не случает и вопрос, заданный поэтом М. Горькому: «Вы думаете – мои стихи – нужны? И вообще искусство, то есть поэзия – нужно?». На Востоке С. Есенину этот вопрос не пришел бы в голову, потому что он с волнением всматривался во все, «чтобы запомнить», а на Западе по всему скользил торопливым взглядом, «чтобы поскорей забыть». Его душа чутко откликнулась на поэзию Востока и обездушенность Запада. И неприятие этой бездуховной западной цивилизации, окончательно созревшее у С. Есенина после путешествия по Европе и Америке, было не только социальным протестом, но и неприятием ее антиприродного, а потому античеловеческого начала.

С. Есенин предстает перед нами как истинно русский человек с традицией всечеловечности, толерантности и интернационализма, с пониманием, и что, наверное, важнее, с принятием любого национального мира. Он считал, что искусство и природная стихия, в которой родился творец, образуют одно живое целое вместе с бытом и обычаями народа, и всякую попытку разрушить это единство воспринимал как антиприродную и потому античеловеческую агрессию. Это гуманистическое (истинно русское, принимающее и понимающее различные культуры и народы – ведь Россия – страна многонациональная и почти не знавшая национальных конфликтов) мировоззрение, покоящееся на признании за каждым права жить по-своему, складывалось у С. Есенина на протяжении всей жизни.

Вспомним хотя бы отрывок из «Пугачева», в котором звучит приказ Тамбовцева, представителя власти, кстати, власти, построенной по европейскому, западному образцу, догнать калмыков, которые бежали, недовольные самодержавным строем, тем самым изменили Российской империи. Но его, как одного из власть имущих волнуют не столько бежавшие люди, сколько тот материальный урон, который понесло государство:

Нет, мы не можем, мы не можем, мы не можем

Допустить сей ущерб стране:

Россия лишилась мяса и кожи,

Россия лишилась лучших коней [там же, т. 3, с. 16]

И как удивительно чист, по-христиански добр и прост ответ, который дали казаки – будущие сподвижники Пугачева, причем, не просто дали, а твердо отрезали:

Он ушел, это смуглый монголец,

Дай же бог ему добрый путь.

Хорошо, что от наших околиц

Он без боли сумел повернуть [там же, т. 3, с. 16]

В этом ответе проявились, на наш взгляд, основные черты национального характера русского народа: его толерантность, терпимость, и высокая в полном смысле этого слова духовность.

Размышляя о восточном и западном начале в русской истории, культуре и душе, можно отметить, что русский человек более тяготеет именно к Востоку. Это вызвано неприятием сугубо материалистического понимания и отношения к миру, свойственного западной цивилизации. Ее материализм, прагматизм и в целом, антигуманизм противоречат евразийской душе славянства. Восток же, наоборот, привлекает своей духовностью, хоть с точки зрения цивилизационной и является более отсталым и «диким». Стремление русского человека стать ближе к Востоку есть, скорее, осознание некоего внутренне имманентного качества, врожденного восточного начала и постоянного стремления к движению, к этому кочевому образу жизни. Это проявляется и в лирике С. Есенина в том же «Пугачеве»:

...если б

Наши избы были на колесах,

Мы впрягли бы в них своих коней

И гужом с солончаковых плесов

Потянулись в золото степей [там же, т. 3, с.17].

Мотив странничества, столь ярко выраженный у С. Есенина, - не только олицетворение космического странничества, о чем поэт говорит в «Ключах Марии»: «...Русь, где почти каждая вещь через каждый свой звук говорит нам знаками о том, что здесь мы только в пути, что здесь мы только «избяной обоз», что где – то вдали, подо льдом наших мускульных ощущений, поет нам райская сирена и что за шквалом наших земных событий недалек уже берег» [там же, т.5, с. 167], но и, на наш взгляд, подсознательное ощущение кочевого, восточного начала.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом [там же, т.1, с. 234]
Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник [там же, т.1, с. 253]
Все мы бездомники, много ли нужно нам [там же, т.1, с. 305]
Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый
Бог весть с какой далекой стороны... [там же, т.2, с. 80]

Таким образом, именно в лирике Есенина отразилось в большей степени, чем в других литературных источниках – представление о родственной близости России и Азии нашло необычайно яркое выражение...

Поиски национально-культурной идентичности привели отечественных мыслителей в начале XX века к евразийству. Как известно, оно оформилось в 1920-е годы в среде русских эмигрантов, которые провозгласили определенное единство элементов европейской и азиатской культур в русской. У них были для этого основания: прежде всего русская классическая литература продемонстрировала способность к новому синтезу европейства и азиатства как культурных констант и доминант национального самосознания. Оставаясь безусловно русской, отечественная словесность, по словам Ю.М. Лотмана, вырывалась за пределы самой себя, была больше, чем русской.

Таким образом, проблема осмысления Востока и Запада в русской поэзии Серебряного века в целом и в творчестве С.Есенина нашла свое выражение через реализацию принципов духовности, терпимости, толерантности, через уважительное отношение к культуре различных народов и умение разумно заимствовать лучшие достижения других культур, «переплавляя» их в единый континуум русской культуры. Особое внимание следует уделить осмыслению феномена Востока как некоего архетипического и бессознательного осмысления России в качестве именно восточной державы, как особую близость ценностных установок отечественной культуры и восточной традиции, как некий протест против бездуховности и потребительства Запада, как выбор нового вектора цивилизационного и культурного развития.

Литература

1. Есенин, С. Собрание сочинений в 6 т. / С. Есенин, М., 1978.

2. Есенин, С./ Полное собрание сочинений: в 7т. /

С. Есенин – М., 1995 – 2002. Т.1.

3. Саркисянц, М. Россия и мессианизм. К «русской идее» Н. Бердяева./ М. Саркисянц,– СПб., 2005.

Чупахина Т.И. Русский ориентализм в музыкальной картине эпохи Русского духовного Ренессанса

Серебряный век внес значительные изменения в освещенные столетиями представления о мире, человеке, культуре, философии. Одной из ключевых философских идей Русского духовного Ренессанса является новое открытие Востока, который действительно входит как в политическую, так и в духовную жизнь общества в России. В результате потребовалась иная расстановка акцентов в культурологических, философских, исторических концепциях – иными словами – открытое признание других философских и эстетических систем, имеющих отличие от европейских. Впервые Восток перестал рассматриваться как некая отсталая часть мировой цивилизации, его философия стали предметом дебатов просвещенной интеллигенции России. Русские композиторы осознавали великую ценность Востока, его культуру. Искусство иного типа, имевшего более древние традиции. Глубокое изучение Востока позволило русским художникам неизмеримо расширить эстетические горизонты в своих художественных помыслах. По мнению многих исследователей русской музыки Серебряного века, русский ориентализм входил в культуру России живыми впечатлениями крупнейших художников кисти, слова и звука. Достаточно вспомнить имена А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Верещагина, Л.Н. Толстого – знаменитые аристократические, дворянские фамилии России, внесшие огромный вклад в развитие русской культуры. Их судьбы тесно переплелись с судьбой и образами Востока. Отсюда берет свое начало совершенная по форме и содержанию русская музыка о Востоке.

Рассуждая о русском ориентализме, сразу же следует выделить две магистральные линии в общей музыкальной картине эпохи Русского духовного Ренессанса. Одна связана с бережным сохранением фольклорных традиций, порой мастерски его переплавляя в круп-